стического строя «Слова о полку Игореве» А. А. Назаревский отрицает на том основании, что каждая из них, взятая в отдельности, неоднократно встречается, как свидетельствуют факты, не только в ораторской прозе, но и в других памятниках древнерусской литературы, оригинальной и переводной, встречаются они даже в произведениях народного творчества. В сущности вся статья А. А. Назаревского и посвящена подробному доказательству этого, замечу тут же, бесспорного положения.

Трехчастная композиция, утверждает А. А. Назаревский (стр. 120 и сл., ср. стр. 135), встречается не только в ораторской прозе. Вступление как особая композиционная единица налицо и в житиях, в некоторых повестях, в «Молении» Даниила Заточника, в «Слове о погибели Рускыя земли». Даже начальные строки вступления к «Слову» («Не лепо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы трудных повестий...») находят себе многочисленные внешне сходные параллели: в неторжественном «Слове о терпении и любви» Феодосия Печерского («Лепо бо бяше нам от трудов своих кърмити убогыа и странныя...»), в несторовом житии Феодосия («Несть лепо нам, братие, таити чюдес божиих...»), в Александрии первой редакции, в Галицко-Волынской летописи, в речи, которую под 1170 годом, согласно Киевской летописи, произнес на княжеском съезде Мстислав Изяславич, подготовляя поход на половцев: «А лепо ны было, братье... поискати отець своих и дед своих пути и своей чести...» (последний факт был указан и мною, правда, в иной связи).

Находит себе многочисленные параллели и повествовательная часть «Слова». Повествование, указывает А. А. Назаревский, отнюдь не является чем-то присущим только ораторской прозе. В повествовательной форме написано и житие Феодосия Печерского, и переводное житие Алексея человека божия, и повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского и еще многое другое. А. А. Назаревский напоминает мне, что даже древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет», которую уж во всяком случае, как совершенно резонно отмечает А. А. Назаревский (стр. 123, ср. стр. 134), никак нельзя отнести к памятникам «торжественного» красноречия, написана в повествовательной форме.

Не является чем-либо одиноким и заключение в «Слове» — похвала князьям и дружине, борющимся «за христьяны на поганыя плъки». Такого типа заключение встречается, по утверждению А. А. Назаревского (стр. 126 и сл.), во многих произведениях, притом отнюдь не только ораторского жанра, — в житиях Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Александра Невского, Стефана Пермского; заключением такого типа, по словам А. А. Назаревского, завершаются и «Моление» Даниила Заточника, повесть о разорении Рязани Батыем (по Волоколамскому списку XVI века), Казанская история, так называемая Сказочная повесть об Азовском взятии и осадном сидении и Повесть о Горе-Злочастии.

Не является, далее, признаком ораторской прозы и такая подробность повествовательной части «Слова о полку Игореве», как монологи, речи действующих лиц повествования. Художественная манера автора «Слова» в этом отношении, указывает А. А. Назаревский (стр. 124), близка не только к произведениям древнерусского «торжественного» красноречия, к «Слову о Лазаревом воскресении» или «словам» Кирилла Туровского, но и ко многим эпизодам летописи (например, мщение Ольги древлянам, походы Святослава Игоревича и др.), и к житиям (особенно «княжеским»), и к оригинальными переводным воинским и иным повестям и, в частности, русскому переводу «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия.